

Л. МАВРИНА

Ю. КОВАЛЬ

ЖЕРЕБЁНОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Л. МАВРИНА ИЛЛЮСТРАЦИИ Ю. КОВАЛЬ

THE INTERNATIONAL BOARD
ON BOOKS FOR YOUNG PEOPLE

awards

The Hans Christian Andersen Medal

to

Tatyana A. Mavrina

*for her International Contribution to the
Illustration of Children's Books*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ
ПО КНИГАМ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

В 1976 ГОДУ НАГРАДИЛ МЕДАЛЬЮ
ГАНСА ХРИСТИАНА АНДЕРСЕНА

Т. А. Маврину

ЗА ЕЕ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВКЛАД
В ДЕЛО ИЛЛЮСТРАЦИИ ДЕТСКИХ КНИГ

Г. МАВРИНА

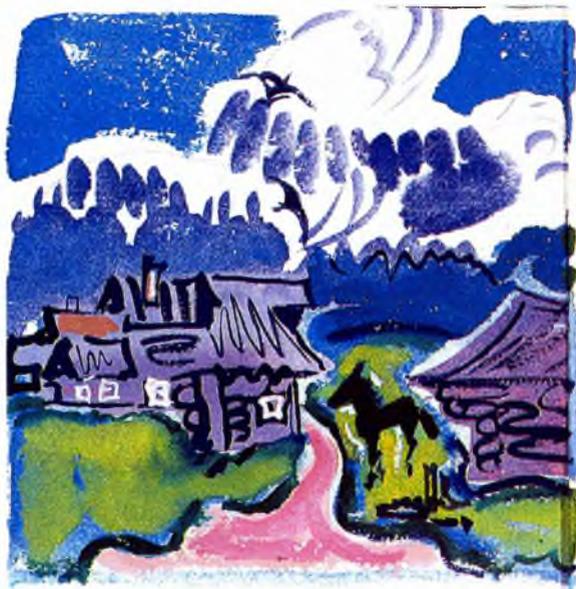
Ю. КОВАЛЬ

ЖЕРРБЕНОС

Рассказы

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1 9 8 9

этой книжке вы увидите не только жеребёнка. В ней есть певцы и вороны, волки и букеты, в ней есть три кота и два художника.

Первый художник — Татьяна Маврина. Она сделала все рисунки.

Второй художник, художник слова, — писатель Юрий Коваль. Он написал все рассказы. Татьяна Маврина рисовала, рассказывала на своём языке — языке цвета и линий.

Юрий Коваль писал рассказы, думая о рисунках, но рассказывал о своём. О том, что он видел и переживал.

«Жеребёнок» — это уже шестая книга, которую создали вместе Татьяна Маврина и Юрий Коваль. А вот как назывались первые:

«Стеклянный пруд»,

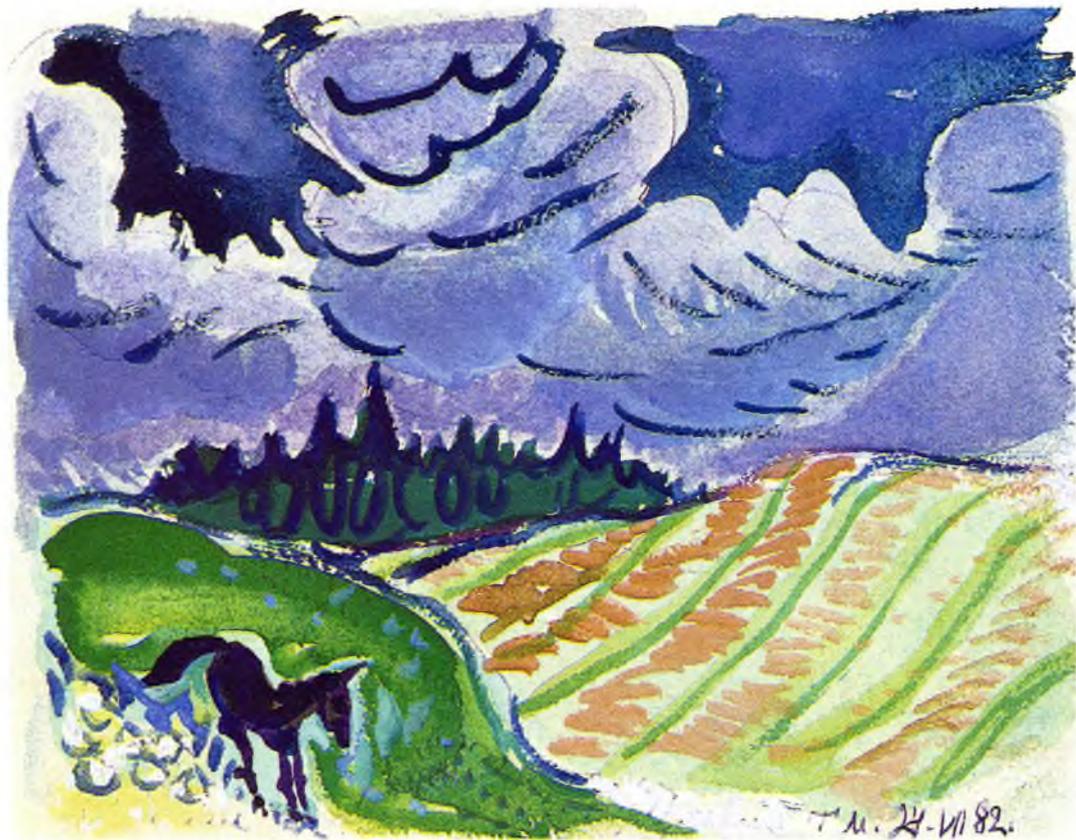
«Заячьи тропы»,

«Журавли»,

«Снег»,

«Бабочки».

Рисунки Татьяны Мавриной и рассказы Юрия Ковалья могут жить отдельно, сами по себе. Но вместе, в одной книжке, им веселей.

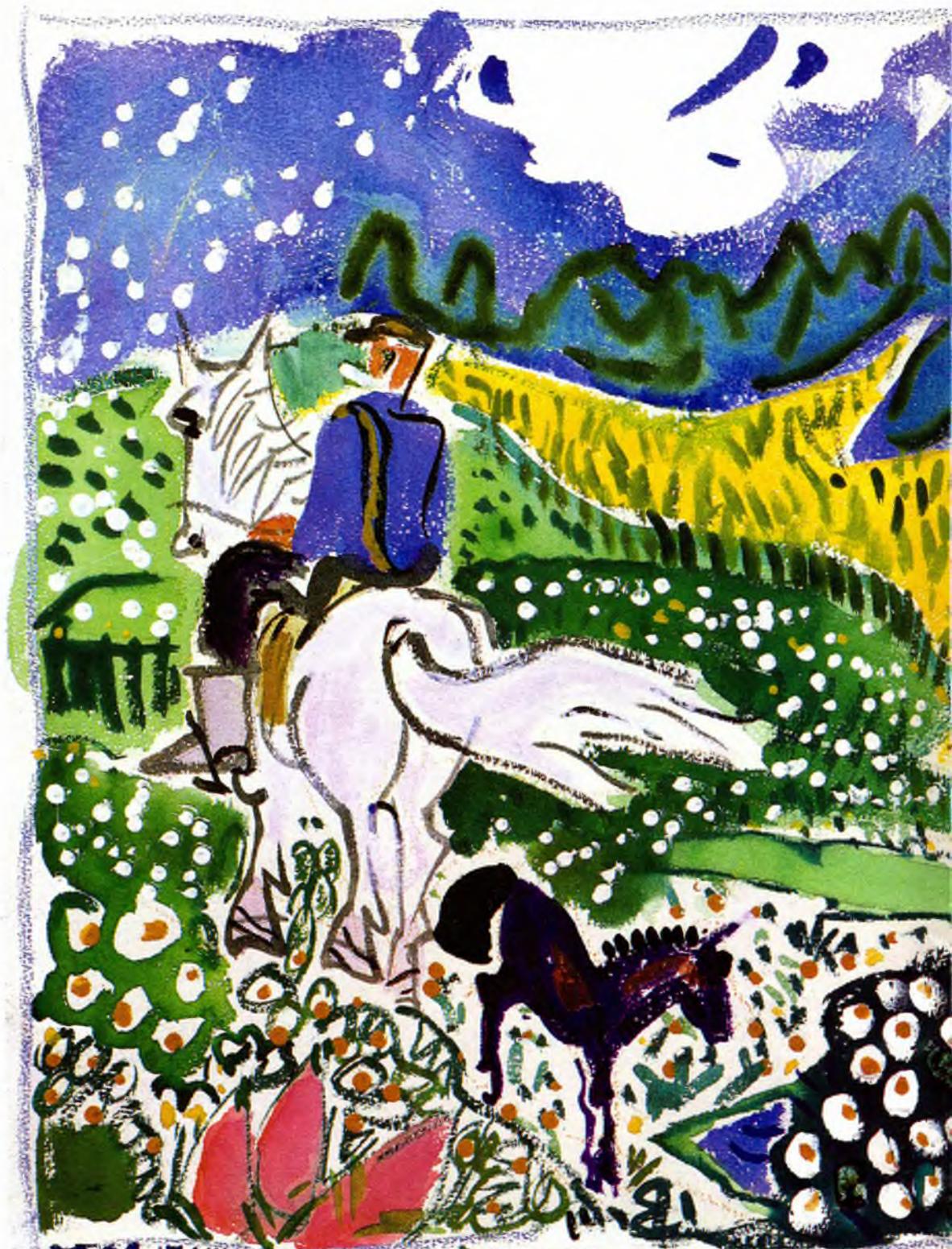

Жеребёнок

Шёл на станцию через клеверище.
Хотелось с кем-нибудь поговорить, но гово-
рить было не с кем. Не с клевером же? Не с
ромашками? С клевером что ни скажешь —
получится глупость. Я остано-
вился и сказал всё-таки:
— Да вот, на станцию иду.

Н. М. 17.VII. ЛАЗУЧНЫЙ ПУТЬ ИЗ ДОМАШЕК

Клеверище молчало, пошуршивая.

Вдруг послышался сбивчивый топот — и боком-боком выскочил на дорогу жеребёнок. Встал передо мной.

Доверчиво и недоверчиво смотрел он, не понимая, что я такое. Не столб ли какой?

— Да вот, на станцию иду, — пояснил я.

Жеребёнок кивнул, топнул копытцем и помчался по ромашкам. Неловко помчался, его заносило то вправо, то влево, и всё-таки это был какой-то пронзительный жеребёнок.

— Ой, нас угнали, нас угнали...

Послышалась песня, и на дороге из-за бугра выехал пастух Агафон верхом на кобыле Тучке.

— Видал жеребёнка? — закричал он. — Только вчера родился! Вон какой скакун. Со звёздочкой!

Агафон рассказывал и смеялся, радовался, что на земле появился новенький конь.

— Ну, а ты-то как живёшь? — спросил он. — Что нового? Что хорошего?

— Да вот, — махнул я рукой, — на станцию иду.

Волковойня

Большой и дальней дороги деревня стоит — Волковойня.

Услышишь это название, и мелкой становится большая дорога, а лес вокруг и поля — огромными.

Много раз проходил я через эту деревню и всегда настораживался. Да и как не насторожиться — Волковойня!

Но ничего волчьего не видно в деревне: серые крыши, старые тополя да вётлы. Ну, чего волчьего в тополях и грачиных гнёздах?

Не знаю, но что-то есть. Слыхали эти тополя вой волка, слышали и ещё услышат.

— Да нету у нас волков, — сказал дед, сидящий под волчьим тополем, — только название осталось. Я кивнул, а не поверил.

Вот кончится лето, загудят дожди, застучит тополиными ветками ветер-листобой, ударят морозы, и послышится в ночном воздухе за деревней заунывный звук. Так и знайте, что это волки. Ходят по ложбинкам да перелесочкам, тянет их к деревне с родным именем.

Л. ВОЛКОВАЙНЯ 7. VI. 75

ТВЕРСКАЯ

ВОЛКОВОЙНЯ

ЗЕМЛЯ

У нас
волки
только
нарисованные!

ОКОЛО ВОЛКОВОЙНИ

Н.М. 7.VIII 89

Трудно думать про волков.

Как себе представить их, шуршащих палым листом на чёрной тропе? Трудно, а ещё трудней увидеть их прямо так, наяву...

Когда-то с охотником Вадимом мы шли по берегу Вишеры.

Смеркалось.

— Волк!! — сказал Вадим.

Волк бежал по другому берегу реки. Опустив голову. Вдруг остановился, медленно обернулся и глянул мимо нас. Он нас видел, а смотрел в сторону.

И я глянул в ту сторону и увидел другого. Тот, другой, стоял за спиною шагах в двадцати. Он вывалил язык. И этот на нас не смотрел, смотрел на первого.

Глянул и я на тот берег — первого уже не было, оглянулся — пропал и второй.

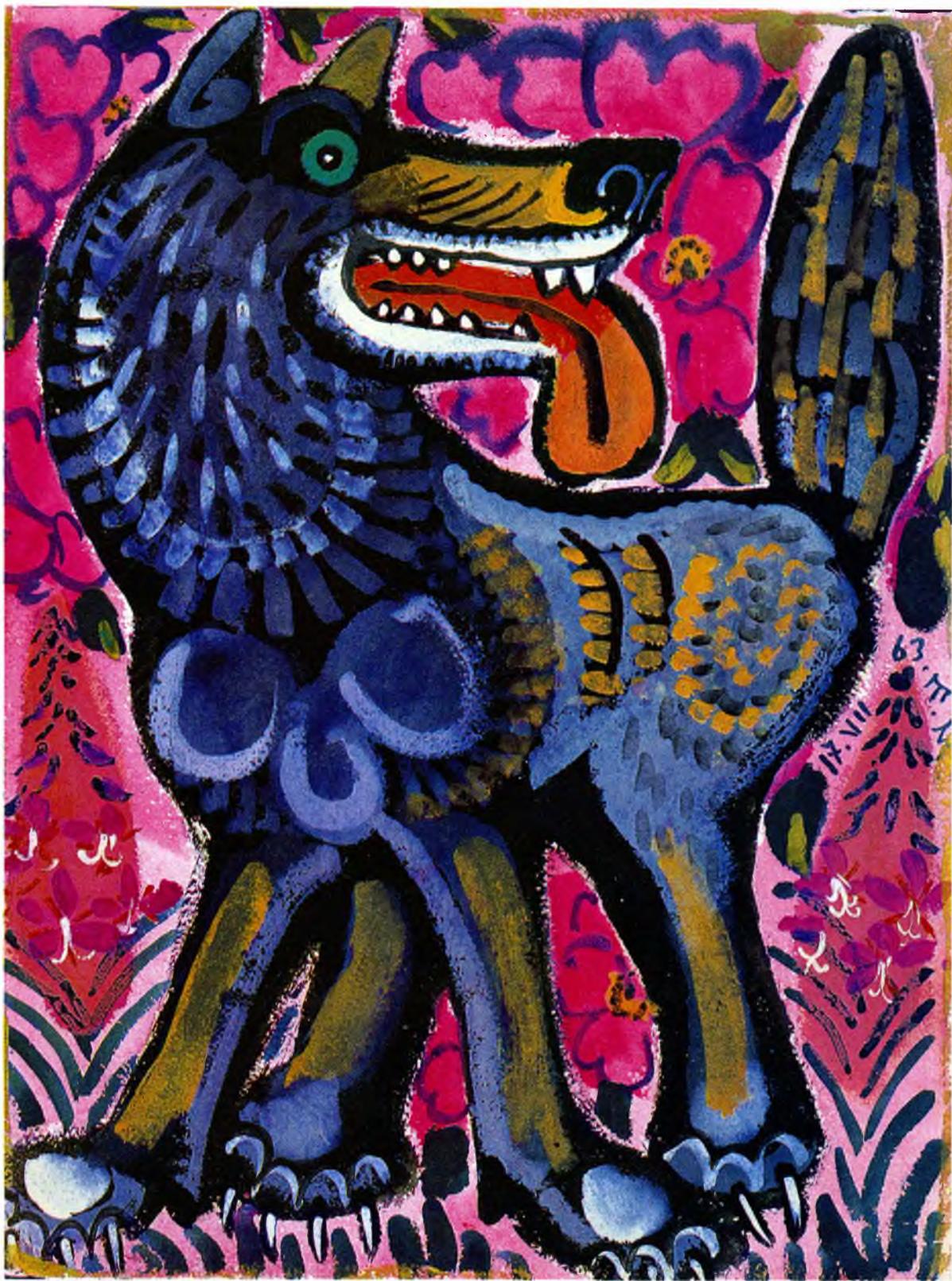
Прошли ещё с километр и снова увидели волков. Они стояли на скале над рекой и на нас не смотрели.

— Провожают,— сказал Вадим.

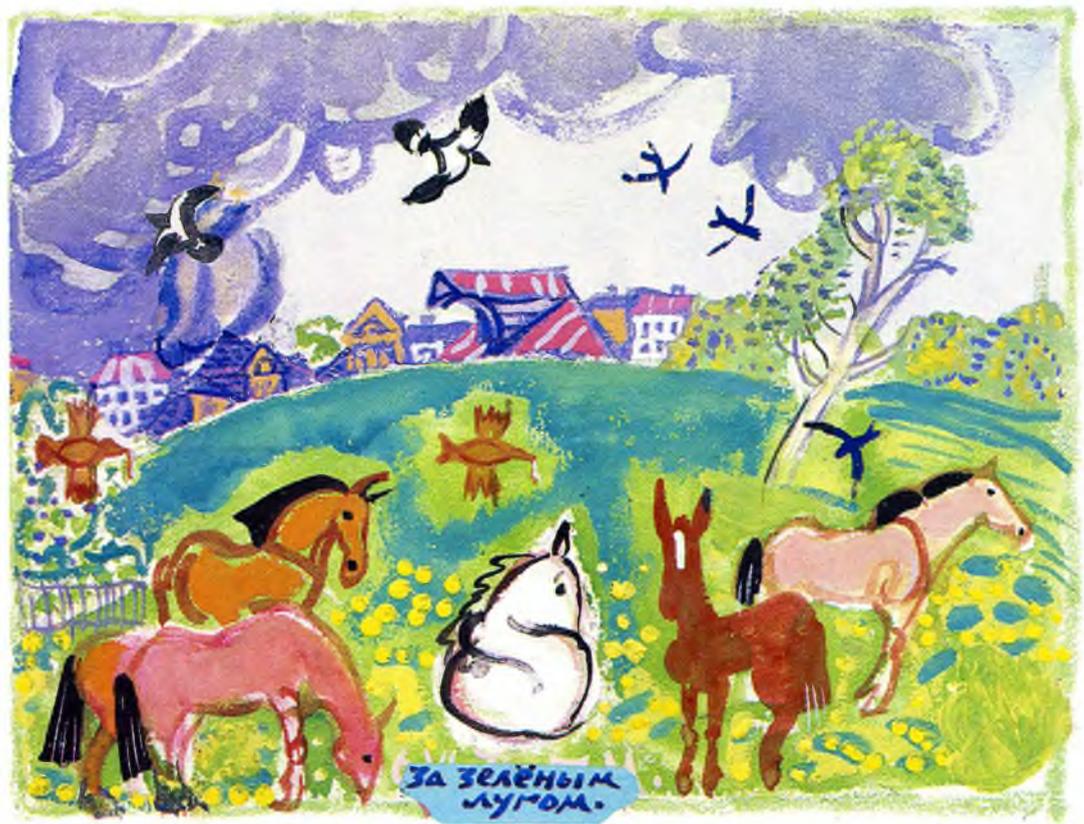
Не знаю уж, чего они нас провожали? Может, рядом было их логово — волчата?

С тех пор я не встречал волков. Больше они никогда меня не провожали. А может, провожали? Только я не заметил?

Петух и Красный Дом

Серые, серые вокруг дома, и вдруг один — красный.

Он стоит на красном посаде, окнами к солнцу, гордый такой дом, взгляд веселящий.

В нём живёт добродушная собака Шавочка. Целыми днями лежит Шавочка на лавочке, никого не трогает. Только мух очень не любит. Как увидит муху — зубами клацает.

Я, когда мимо прохожу, с Шавочкой на лавочке обязательно посижу, за ухом её почешу. Сижусь да чешу, а она лежит зажмурившись, да вдруг как клацнет зубами на муху пролетевшую.

Однажды сидим мы так, как вдруг из дому выходит петух. Красивый. Он мне сразу понравился.

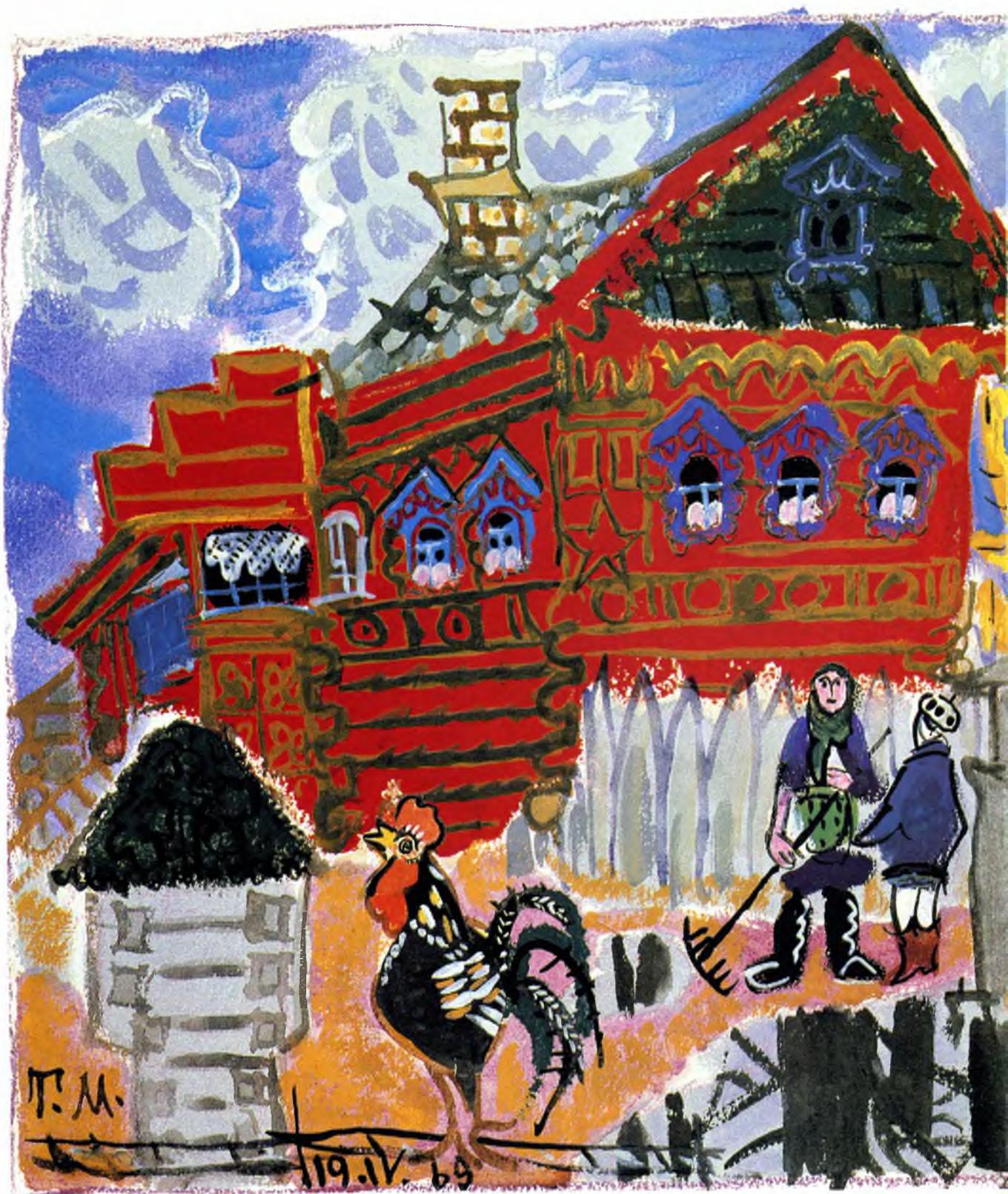
Петух прошёлся, огляделся и вдруг, как бешеный, налетел на меня. Клюётся, крыльями бьёт.

— Петя! — кричу. — Петя!

Какой там Петя? Наскакивает, в коленку клюёт, а Шавочка дремлет, ничего не замечает. Схватил я грабли, что стояли у забора, отбился от петуха.

Теперь уж я к дому красному близко не подхожу, с Шавочкой на лавочке не сижу. Она сама ко мне приходит. К моему дому, к серому. Сидим на скамеечке, на мух зубами клацаем.

Вот я и думаю: не завести ли петуха?

ПОДРОМЕ В УЛИЦЕ.

Весенний кот

Риша весна, зацвели мать-и-мачеха и незабудки, под коричневыми корнями леса явились подснежники, а в соседнем доме неожиданно расцвёл Кот.

Подснежниками заголубели котовьи усы, мать-и-мачехой и листом черёмухи зазолотили глаза, а на лапах и на груди объявились белые вербные серёжки.

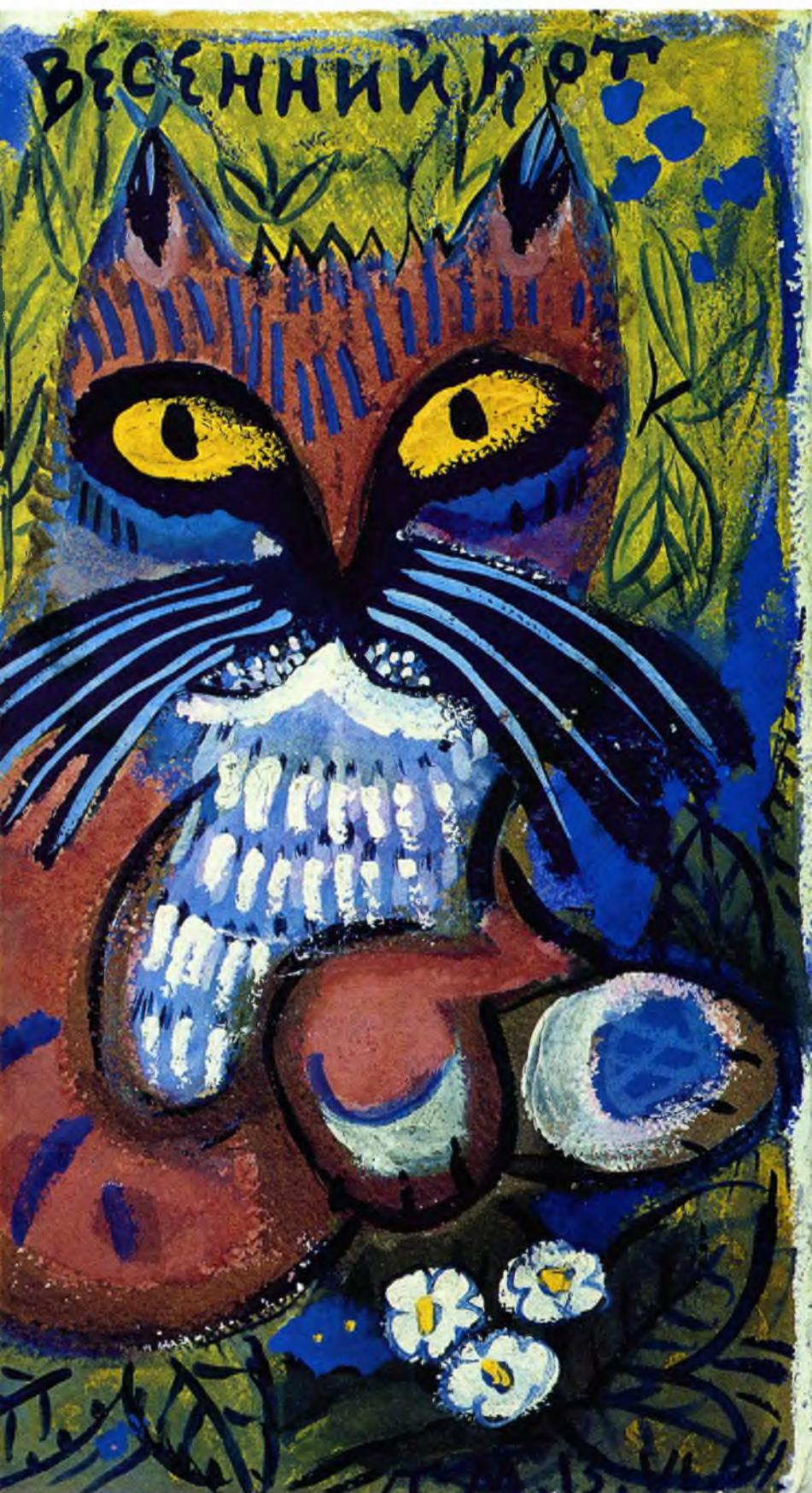
Разукрашенный, цветущий, полёживал он на новой траве, посиживал на старом заборе, блистал глазами на крыше сарая.

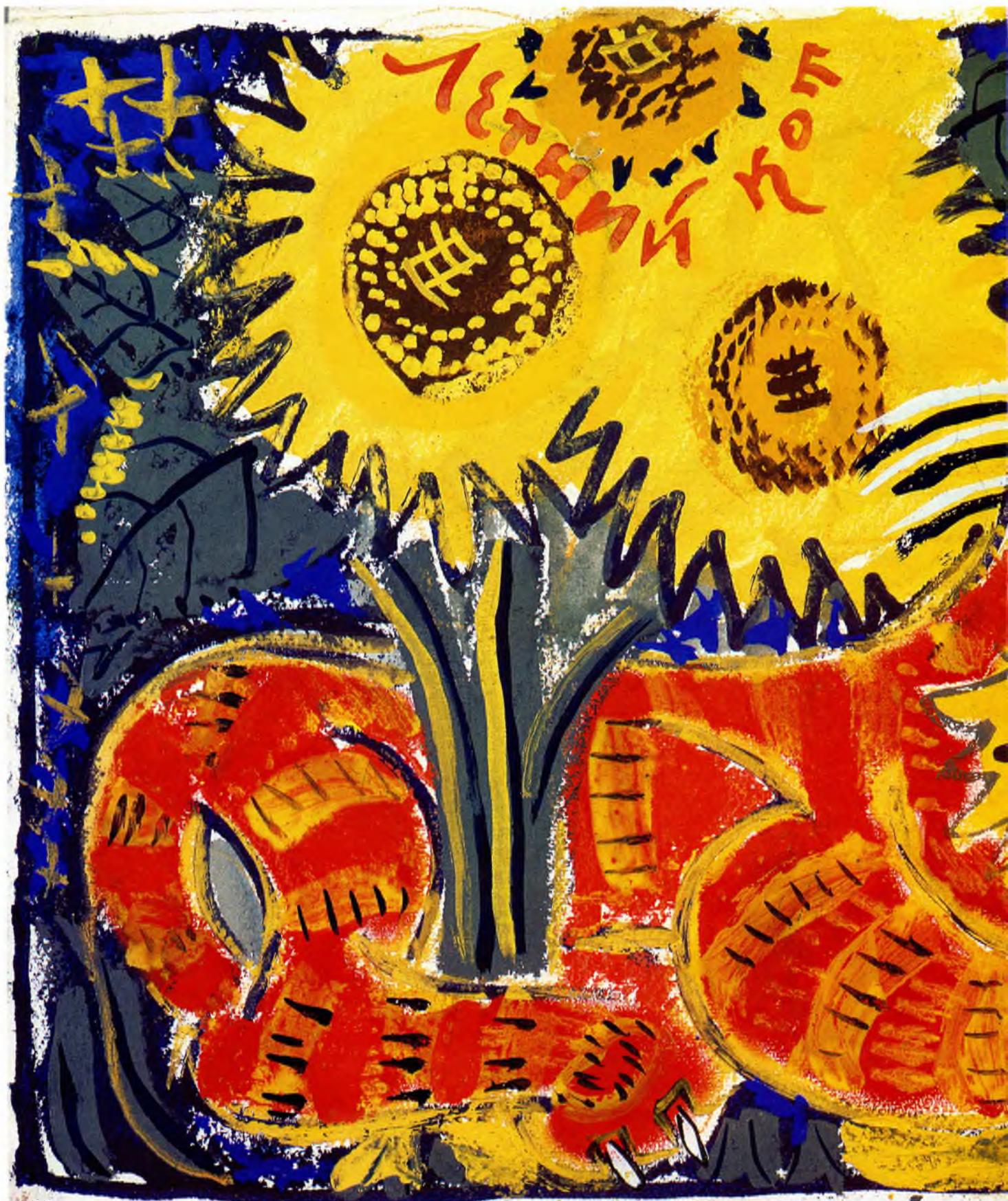
Я всё ждал, что на хвосте у него объявится какой-нибудь тюльпан весенний, особенный, котовий, но тюльпан не появлялся.

«Наверно, у котов хвосты цветут позднее, — думал я. — Летом, в июле».

Летний кот

Ут на днях встретил я Летнего кота. Рыжий и жаркий, вобравший в себя солнечный зной, лениво развалился он в траве, еле шевелил усами. Заслышав мои шаги, он поднял голову и строго поглядел: дескать, проходи, проходи, не заслоняй солнца.

Целый день валялся кот на солнце. То правый бок подставит солнцу, то левый, то хвост, то усы.

Начался закат и кончился. Наступила ночь, но долго ещё что-то светилось в саду. Это светился летний солнечный кот-подсолнух.

Осеннее котятро

Падает листья на землю и на кота. А кот караулит, подстерегает и вдруг бросается на падающий лист, прихлопывает его лапой и грозно грызёт. Ему кажется, что это такие воробьи разноцветные.

«Глупое осеннее котятро, — думаю я. — Листья с воробьями путает».

А кот заметил, что я про него думаю, и затаился.

Падают листья, заваливают кота.

«Эх, и сам-то я, как опавший листок,— грустит кот.— Печально на душе, тоскливо».

«Какой листок? — думаю я.— Вон какая морда толстая да усатая».

«При чём здесь морда? На душе тяжело. Лежу вот под листьями, грущу».

«Чего ты грустишь-то, котяро осеннее?»

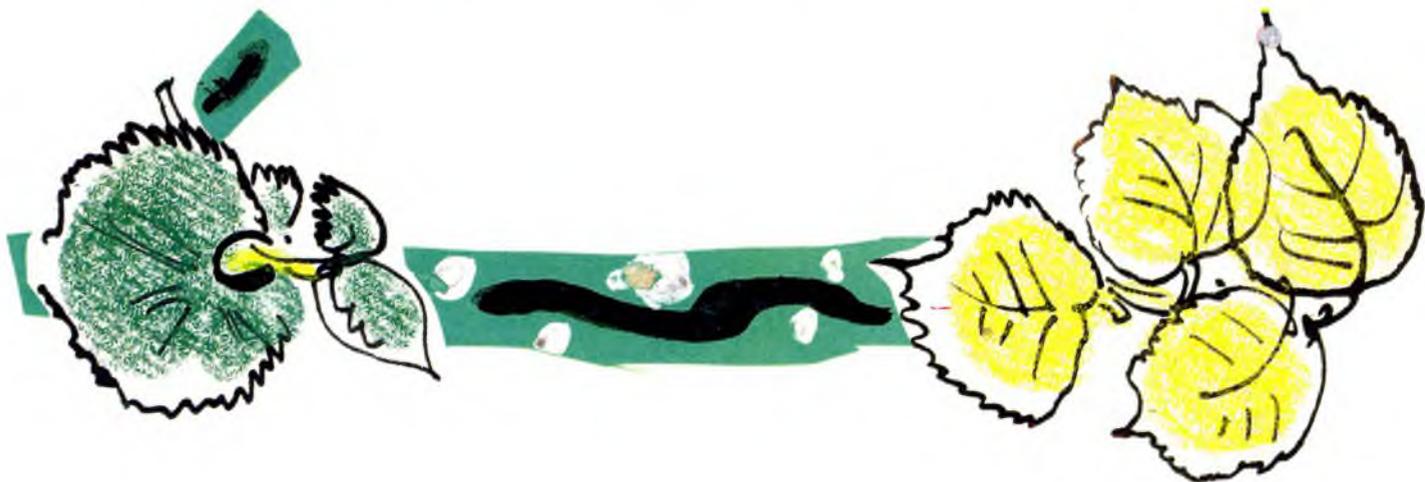
«Жалко как-то... Вот и птички улетают... Вам этого не понять».

До вечера лежал кот в подсолнухах, печалился.

Похолодало. Вскочил кот, выгнул дугою спину, фыркнул и помчался в дом. Сразу полез на печку.

«Хватит мне быть осенним котом,— ворчал он.— Стану теперь зимним».

В эту ночь и выпал первый снег.

ведь это очень простое слово — рука. Чего уж проще? Рука да нога, ухо да глаз.

Но это слово обретает особенный смысл, когда говорят про руку художника.

— О, это рука великого Врубеля! Чувствуется рука Мастера!

Сердце художника и вся жизнь его, труды и страданья заключены в эти два слова — рука художника.

Между прочим, любой человек, который собрал букет и несёт его, держа в кулаке, может с уважением глянуть на свою руку. В этот момент его кулак — рука художника.

На рисунке, который вы видите здесь, нарисована рука художника Николая Кузьмина. Он собрал золотой букет.

А сам рисунок — это рука Татьяны Мавриной.

Лебеди и журавли

У песчаной косы северного моря прикормили люди диких лебедей. Двух старых и трёх молодых. Всё лето носили им на берег кусочки хлеба — лебеди и привыкли, остались зимовать.

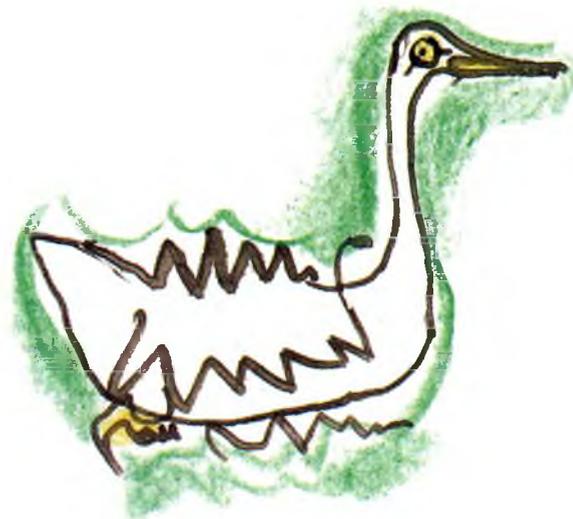
Ударили морозы, льдом прихватило песчаную косу. Не подойти к лебедям — ломается тонкий лёд. И они к берегу подплыть не могут, а по льду пешком идти колко и зябко. Не получается у них пешком по льду. Один опытный охотник надел высокие сапоги-бродни, пошёл к ним, проламывая лёд. покормил. И люди на берегу радовались — жалко ведь лебедей.

«Эх, да что ж вы не улетели-то? — думал я. — Крылья-то небось есть!»

И вспомнил журавлей.

Сколько раз хотел к ним подойти и в полях, и на лесных болотах, а не получалось. Да я бы и хлеба принёс, лишь бы поглядеть вблизи диких журавлей.

Нет, не надо им нашего хлеба. Этих не прикормишь.

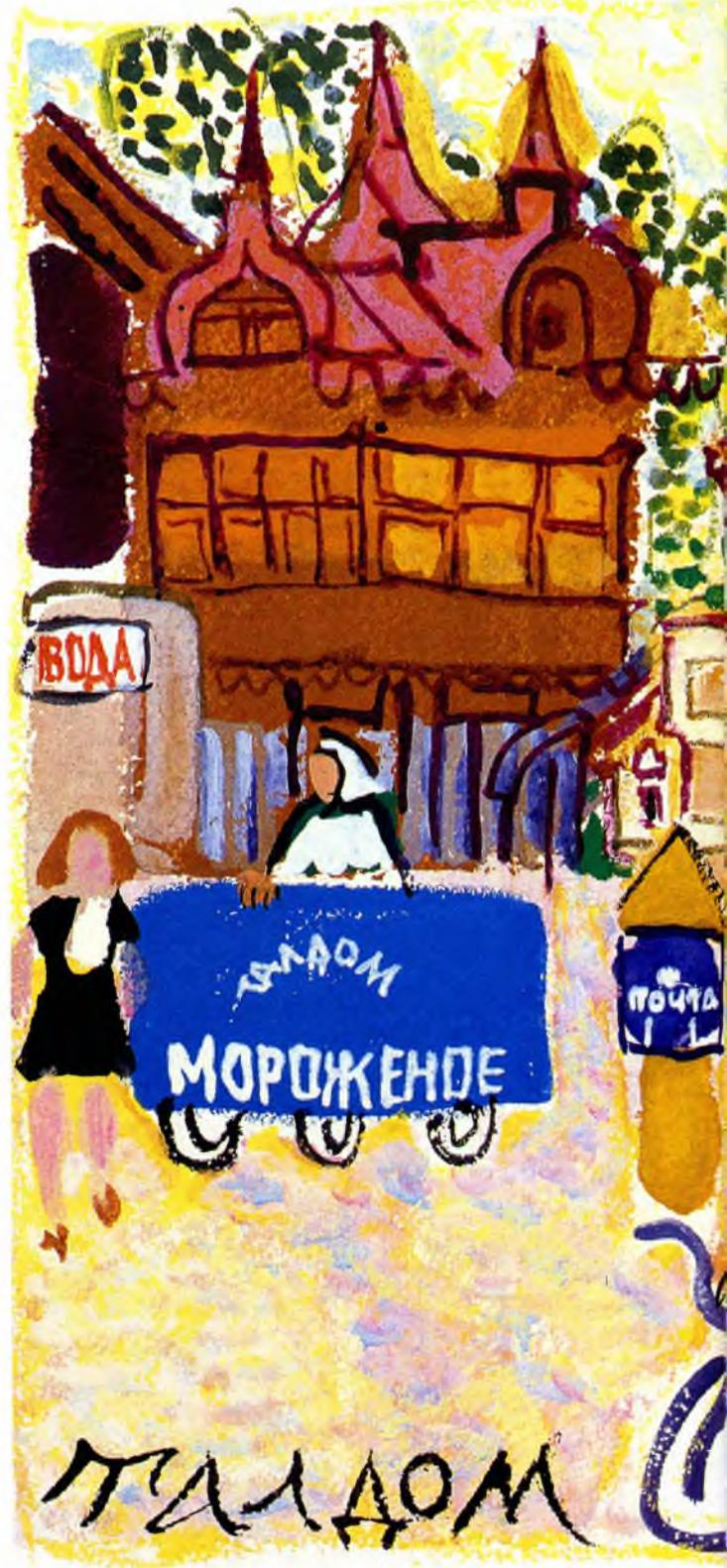

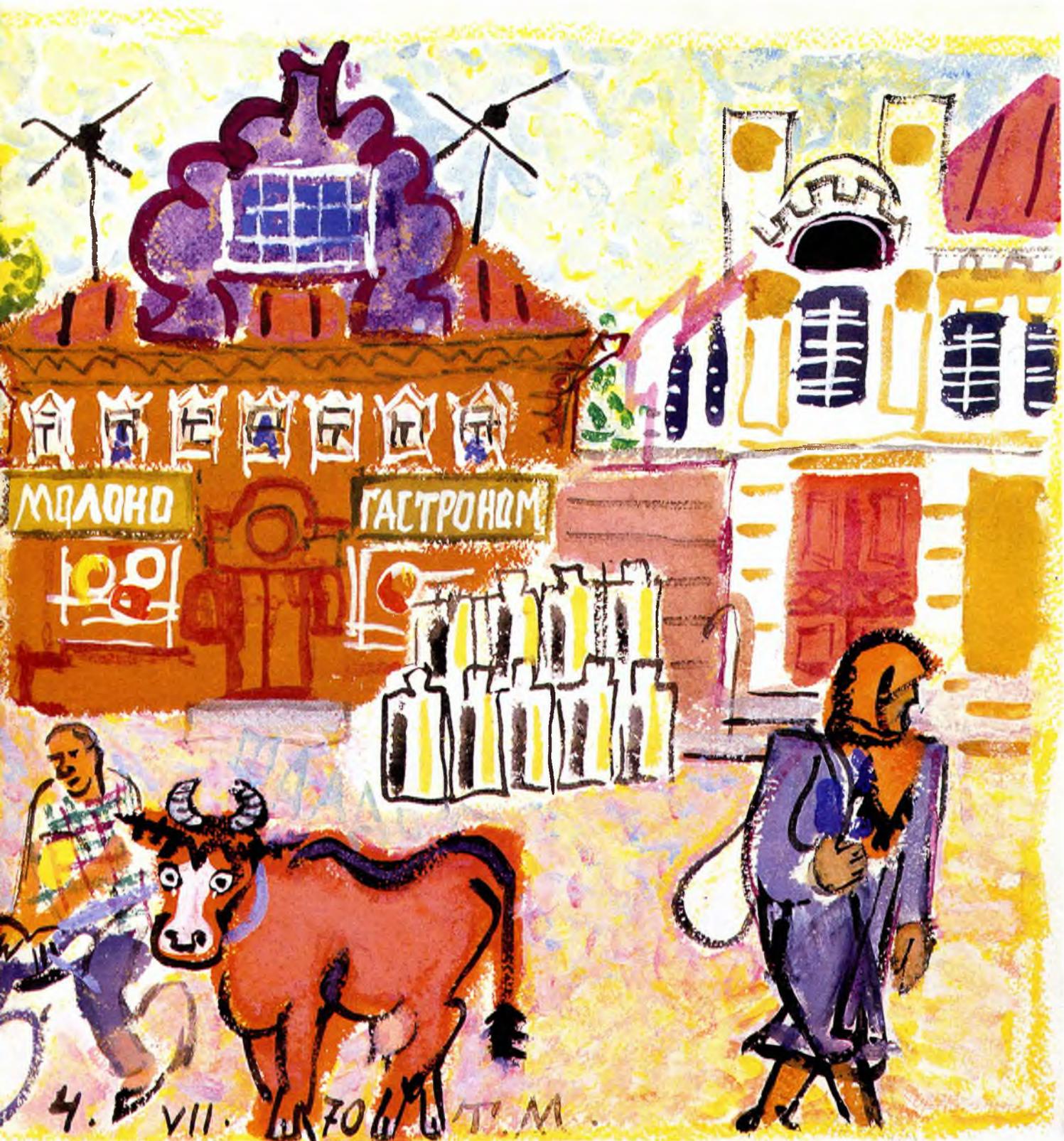

ЭИ ЗОВУТ ДРУГ ДРУГА ЖУРАВКИ

Р. АУБНА

17-1111 80 Б. М. А.

Везуха

ВАНЕЧКА-ТО наш Пряников корову купил. Поехал в Талдом на велосипеде и купил. Привязал корову на верёвку, домой повёл. В одной руке корова, в другой — велосипед. Тут ему и пришёл в голову вопрос:

«Зачем я велосипед зря в руке везу? Сяду и поеду, а корову буду на верёвке тянуть».

Сел и поехал потихоньку, кругаями, корову за верёвку тянет. Она — ничего, мирно идёт, не брыкается.

«Ну, везуха,— думает Ванечка.— Не брыкается. А не прибавить ли скорости? Ну, пробежится немного корова, чего особенного?»

Прибавил, и корова прибавила. Топают копытами, машет хвостом.

«Ну, сила-корова! — думает Ванечка.— Везуха! Её хоть к мотоциклу привязывай!»

Дорога свернула, и Ванечка свернул, за ним и корова свернула. Пробежались ещё немного. Тут корова дёрнула за верёвку, и Ванечка вылетел в кювет, носом в глину.

Вылез на дорогу, а корова травку свежую огребаёт языком.

«Ну, сила-корова! — думает Ванечка.— По асфальту ровно шла, а уж тут — клевер, конечно! Умная-то какая! Вот ведь везуха! Вечером молоко будем есть».

Старая яблоня

Мелкий день сидит у дороги бабка, яблоками торгует.

Мчатся мимо яблок машины, мотоциклы, режут трактора. Иной раз остановится машина, купит яблок и дальше гудит.

ПАРЧЕВАЯ

Вот едет грузовик. Этот яблочек не купит, некогда ему. Автобус бы купил, да у него остановка за три километра. А это «Запорожец», если и купит, так полкило.

Я остановился, купил полведра.

— А ты ведь, радетель, и на ведро тянешь,— сказала бабка.

Сидит бабка у дороги, за спиной у неё рябина, а за забором яблоня старая стоит, на ней яблоки зреют, на землю падают.

Целый день работают они. Бабка торгует, яблоня яблоки роняет. Так и живут.

И а лавочке возле бани на самом краю деревни сидят два старика, а рядом три вороны в цветах.

Напарились старики, намаялись и намылись, чаю напились, прямо здесь, возле бани. А что? Набрали из котла кипятку, а заварочка-то в кармане была, а вместо сахара вон там малины полно. Напарились, намаялись, чаю с малиной напились, стали песни играть.

— Эх, когда мне было лет семнадцать... — затянул Запевало.

— Ходил я в Грешнево гулять, — подхватил Подхватило.

Спели это, передохнули, чайку глотнули, похлопали друг друга по плечам, помолчали. Запевало снова набрался духу и грянул:

— Эх, не раз, не два оттуда гнали...

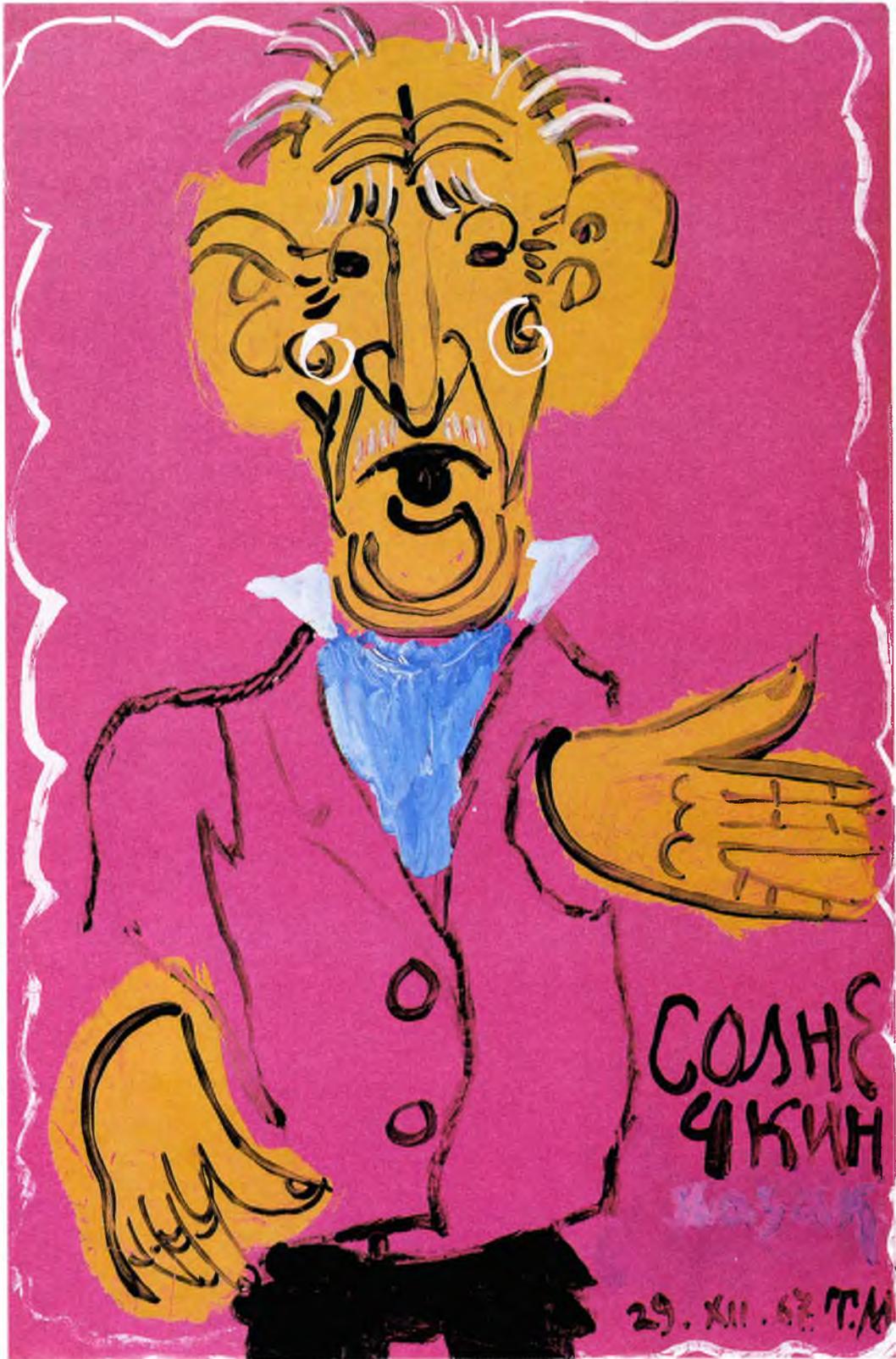
— Я всё за шутку принимал, — закончил Подхватило.

Тут надо большую передышку делать — многое спето. Можно и чайку глотнуть и по ягодке пропустить. Вовсе не обязательно песню прямо подряд петь и петь. Её тоже всю пережить надо.

Вот певцы молчат, переживают, чай пьют, а вороны не выдержали такого долгого переживания и закаркали, раззадоренные песней.

Всю передышку испортили, каркают прокуренными голосами.

СОЛНЕ
ЧКИИ

29. XII. 67 Т.М

Рассердились певцы.

— Чёрный ворон, что ты вьёшься?..— затынул Запевало.

— Над моею головой...— подхватил Подхватило.

Замолчали вороны, а старики всё поют, обнявшись, и грозят-

Заячий букет

Зайцы вообще-то не собирают букетов. Зачем зайцу букет? Все полевые цветы над ушами у русаков, все лесные за хвостами у беляков. Да и сам-то заячий хвост называется «пых» или «цветок».

Так говорят про заячий хвост старые охотники, а они своё слово знают.

Но вот объявился, глядите, заяц, который собрал букет.

Всякого в букет понатыкал: и клевер, и жабник здесь, и кашка, и ромашка.

Вот ходит с букетом и не знает, кому его подарить. Зачем лисе или волку заячий букет? Им не до цветов.

Медведь цветы любит, но не в букетах. Ему бы малины куст.

А барсуку? Только поздней ночью выбирается он из норы, и, если ему на лесной тропе вручить букет, он может и по шее наkostenять.

Не знаю, как и быть с заячьим букетом. Он собран и должен быть кому-то вручён.

Ладно, отдадим барсуку и поглядим, что будет.

неё были крылья бабочки.

Вот уж не знаю, летала она или нет, но крылья были. Это точно.

Как-то случайно я встретил её.

— Катя,— говорю.— Ну как там дела с твоими крыльями?

Она засмеялась.

— И ты,— говорит,— про мои крылья. Да нету никаких крыльев... за хлебом иду.

Я постоял у магазина, подождал. Вот она вышла, я и говорю:

— А по-моему, всё-таки есть. Скажи честно.

— Вот ведь пристал. Ладно уж... Крылья есть, но очень слабые — крылья бабочки. Много ли на них налетаешь?

— Ну, милая, ты ещё жалуешься. У других и этого нет. Слушай, полетай немного, а? Посмотреть охота.

— Ну вот, так и знала. Некогда мне. И потом, я летаю только в хорошую погоду. А сейчас смотри: дождик да слякоть, туман. Какая бабочка станет летать? Позвони мне на следующей неделе.

Я позвонил.

— Слушай,— говорит Катя.— Не могу я так летать для каждого в отдельности. Приходи в пятницу, соберутся люди. Заодно и ты посмотришь.

— И много их соберётся-то? — спросил я.

— Да немного, человек десять, только свои.

— Ладно,— говорю.— Спасибо за приглашение.

А потом подумал-подумал и не пошёл.

Шень-шень-шень...

ИТО знает, как надо подманывать лошадей?

Ну, котят да цыплят подманывать все умеют.

Гусей надо так: тега-тега-тега...

Оленей: мяк-мяк-мяк...

Овец, слышал я, одна тётя подманывает так:

— Басёнки-басёнки-басёнки...

А лошадей, сказали мне, надо подманывать:

— Шень-шень-шень...

И вправду какое хорошее слово, вполне лошадиное. Лошади должны его понимать.

Вот я научился новому слову и пошёл по деревне лошадей искать. Взял хлеба чёрного кусок, посолил его, в карман сунул. Соль, конечно, в карман немного просыпалась, да это не беда. У меня в этом кармане много чего побывало. Вот хожу, лошадей ищу.

Да что-то не видать лошадей.

Бригадир навстречу на велосипеде скачет, кричит:

— Не видал лошадей?

А я ему отвечаю:

— Шень-шень-шень...

— Ты что, спятил? — бригадир говорит. — Лошади ограду поломали, в чисто поле ушли.

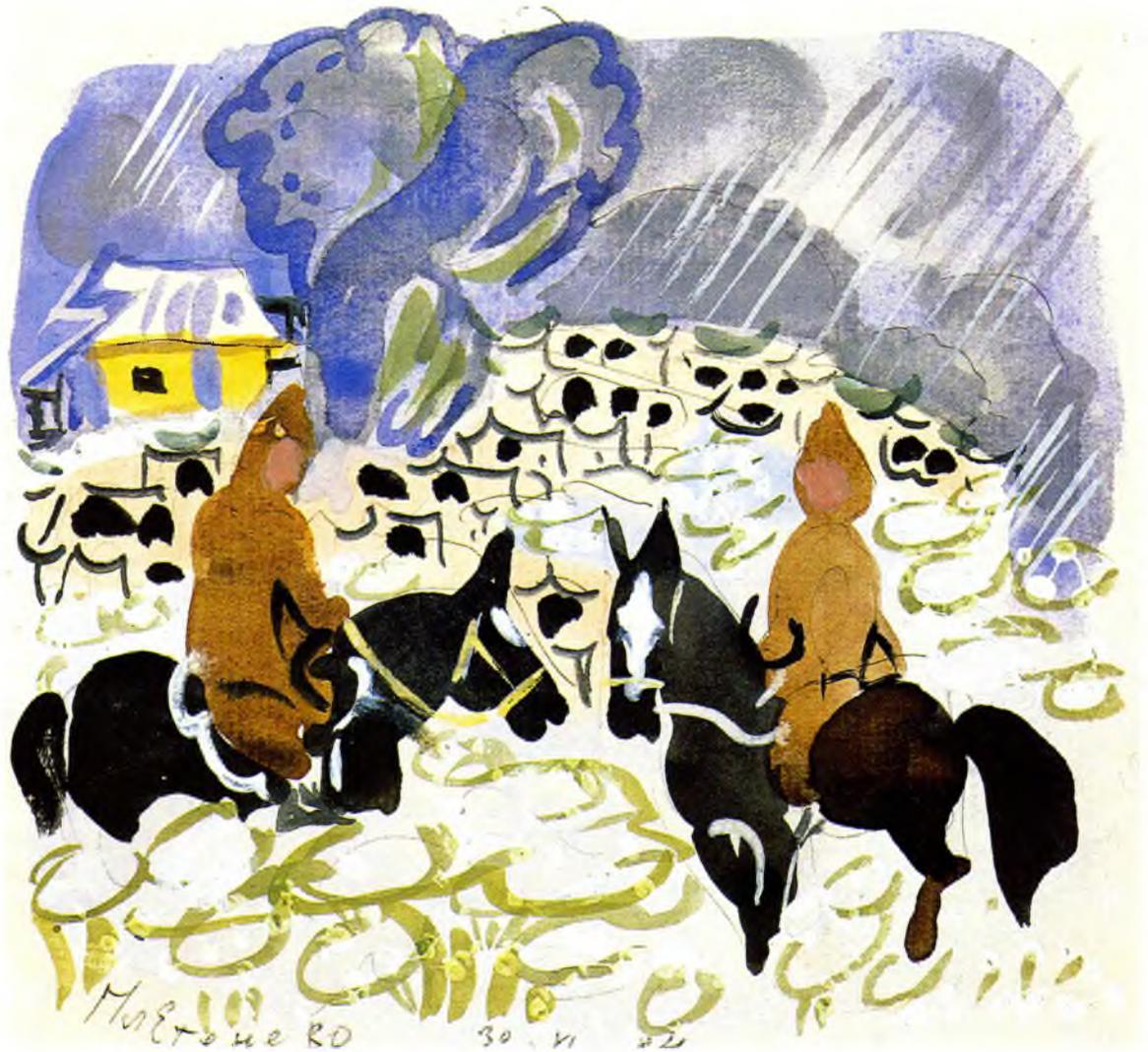
Ускакал бригадир в чисто поле, ищет в бинокль лошадей.

А я подошёл к реке, к тому месту, где рощица разрослась тополиная, и говорю негромко:

— Шень-шень-шень.

И тут вышли из зарослей три белых коня, глядят мне в глаза, всё понимают.

Вот тебе и «шень-шень-шень»! Хлеба-то у меня всего один кусок.

Дождь

В

Чистом поле под осенним дождём пасутся телята.

Не мычат, не бодаются, от стада не отбиваются, жуют.

Было б солнце, они, конечно, пободались бы, побегали, выпучив глаза и задравши хвосты,

а тут не до боданья — дождик, холодно, есть надо.

Вокруг стада ездят верхом пастухи. Съедутся-разъедутся, съедутся-разъедутся.

Вот съехались, и один другому кричит через дождь:

— И всё-таки ты не прав!

— Да ладно! — кричит другой в ответ. — Сам сказал бригадиру, что я заснул.

Покричали так, разъехались. Один проехал шагов двадцать, обернулся и кричит:

— А не надо было спать! Кто тебе велел?!

А другой проехал шагов сорок и отвечает, кричит во всё горло:

— Спать хотелось!!!

И вот они уже совсем далеко друг от друга. Между ними всё стадо, все телята.

— А зачем надо было бригадиру говорить? — доносится сквозь дождь.

— Да это не я сказал! Это Васька Коровочкин! — как эхо долетает ответ.

В чистом поле ездят верхом пастухи, вспоминают былые обиды.

А дождь телят пасёт.

15.V.76
ГАНСОВ

А,
ЭГОСЫ
ИЗТНВОС-

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Жеребёнок</i>	3
<i>Волковойня</i>	6
<i>Волки</i>	11
<i>Петух и красный дом</i>	15
<i>Весенний кот</i>	19
<i>Летний кот</i>	
<i>Осеннее котяро</i>	24
<i>Рука</i>	28
<i>Лебеди и журавли</i>	30
<i>Везуха</i>	34
<i>Старая яблоня</i>	35
<i>Певцы</i>	39
<i>Заячий букет</i>	43
<i>Крылья бабочки</i>	45
<i>Шень-шень-шень</i>	48
<i>Дождь</i>	51

Литературно-художественное издание

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Маврина Татьяна Алексеевна

Коваль Юрий Иосифович

ЖЕРЕБЕНОК

Р а с с к а з ы

Ответственный редактор

Л. Я. ЛИБЕТ

Художественный редактор

С. И. НИЖНЯЯ

Технический редактор

Л. В. ГРИШИНА

Корректор

Т. А. НАРЫШКИНА

ИБ № 11097

Сдано в набор 23.08.88.

Подписано к печати 13.02.89.

Формат 60×90^{1/8}. Бум. мастермат.

Шрифт школьный. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 7,0. Усл. кр.-отт. 30,5.

Уч.-изд. л. 5,47. Тираж 30 000 экз.

Заказ № 380. Цена 1 р. 90 к.

Орден Орденов Трудового Красного Знамени
и Дружбы народов

издательство «Детская литература»

Государственного комитета РСФСР

по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.

103720, Москва, Центр.

М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени

ПО «Детская книга»

Росглавополиграфпрома

Государственного комитета РСФСР

по делам издательства, полиграфии

и книжной торговли.

127018, Москва, Суховский вал, 49.

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1989

М 4803010201—238
M101(03)-89 237—89

ISBN 5—08—000521—1

Сканирование, обработка, реставрация изображений - С. Андреев.
(<http://serezhnik-18.livejournal.com>)

